
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

О. В. ДОЛЯ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. ПИРОГОВА

Н. И. Пирогов – гордость отечественной науки и культуры – известен прежде всего как гениальный хирург с мировым именем. Он был не только блестящим медиком, но и ученым, педагогом, мыслителем. В центре его мировоззренческих исканий всегда находился человек, его сущность, смысл жизни, поиски идеала. В связи с этим в мировоззрении Пирогова оказывался целый комплекс антропологических идей.

Известно, что антропология как наука о человеке многогранна. Для хирурга Пирогова, безусловно, характерна близость к естественно-научной медицинской антропологии, которая определяет место человека в царстве живых существ, изучает его телесную организацию. В этой области, в среде анатомии и физиологии, успехи Пирогова общеизвестны не только в национальном, но и в мировом масштабе. Однако его антропологические идеи выходят за естественно-научные рамки, приобретая особую мировоззренческую направленность и смысл, что и требует специального философского анализа.

В 40-х гг. XIX в. в европейской философии свершился переход к антропологии, который некоторыми исследователями не без основания рассматривался как радикальный перелом в мышлении по отношению ко всей предшествующей истории философии. Если ранее фундаментальное западное мышление задавалось вопросом об «основании» мировой действительности, опиралось на понятие Бога или Абсолюта, то после смерти Гегеля в различных философ-

ских направлениях утверждалось, что «вопрос об абсолютном основании действительности всегда вновь обращался к вопрошающему человеку»¹, то есть наметился поиск «человеческого измерения» традиционных философских проблем.

Становление философской антропологии позиционировало ее как философское знание об общечеловеческих (инвариантных), устойчивых свойствах и качествах человека в их социокультурной изменчивости; как целостный образ человека в определенном типе культуры и сохранение «пределов и границ» человеческого облика в безграничности бытия; как способ решения философских проблем в их «человеческом измерении».

Антропологические идеи развивались в отечественной философии, просматриваясь от работ средневекового периода вплоть до современных концепций. Можно сказать, что эта проблема имманентна самому развитию русской философской мысли, отличаясь своеобразием и оригинальностью своего выражения и решения. Спектр антропологических воззрений широк, отражаясь в классических темах русской духовности: Бог, человек, нравственные корни и коллизии человеческого существования, его неискоренимый дуализм. В целом русской антропологии присущи персоналистический пафос, нравственная напряженность, размышление о соборности как примирении свободы каждого и единства всех.

М. А. Маслин выделяет два уровня философско-антропологических идей в отечественной культурной традиции. Первый связан с «неспециализированными» источниками философско-антропологической мысли в России, к которым относятся летописная, житийная, нравственно-поучительная литература. Антропологическая тематика прослеживается в «Слове о Законе и Благодати» Иллариона, в «Поучении» Владимира Мономаха, в спорах «иосифлян» и «нестяжателей», философском наследии М. Грека. Можно предположить, что во многом философско-антропологическая тематика определялась принятием христианства на Руси, его утверждением и в связи с этим новым пониманием места и роли человека в мире.

¹ Элен, П. «Стертый горизонт» (Ф. Ницше) // Разум и экзистенциальный анализ научных и ненаучных форм мышления / под ред. И. Т. Касавина, В. Н. Поруса. – СПб., 1999. – С. 327–328.

Второй уровень философско-антропологических идей связан со становлением специализированных философско-антропологических построений в русской философии XVIII – начала XIX в. Они связаны с «метафизикой сердца» Г. С. Сковороды; просветительской философией человека А. Н. Радищева в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии»; идеалистической антропологией А. И. Галича в его трактате «Картина человека». Характерным для этого периода было появление работ, в которых антропологические идеи развивались в русле натурфилософских построений, как, например, идеи материалистической антропологии в работе И. Д. Якушкина «Что такое человек?».

Но этот период отмечен не только появлением философских работ, специально посвященных проблемам человека. Замечательно и то, что свои ответы на вопросы о сущности человека давали деятели науки, естествознания, медицины. Современные последователи в области философии здоровья (валеософии), говоря об особенностях развития отечественного здравоохранения, подчеркивают именно антропоцентрический характер отечественного естествознания и медицины наряду с особой ролью духовности и прежде всего нравственных идеалов и принципов, «теургическим беспокойством»², присущими русской интеллигенции вообще, а врачам в большей степени, превалировании православных моральных ценностей³ – все это в значительной степени обнаруживается в творчестве Н. И. Пирогова и как врача, и как мыслителя.

В работах Н. И. Пирогова нет завершенной системы антропологии, но все идеи буквально пронизывают их, концентрируясь в размышлениях о человеке, его бытии, его противоречивости и в то же время целостности. В них прослеживается переход от медицинской антропологии к философской. На принципиальную возможность такого перехода и его закономерность указывают многие последователи. Так, К. Ясперс, касаясь «вопроса о человеческой природе как таковой», подчеркивал, что «свои ответы на этот вопрос есть у биологов, антропологов, богословов, философов»⁴, пересе-

² Теургический (греч. Theos и ergon – благоденствие).

³ Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.). – М., 2005. – Т. 4. – С. 712.

⁴ Ясперс, К. Общая психопатология. – М., 1997. – С. 903.

кающихся именно в его решении. Интересная точка зрения у богословов на эту проблему. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет в статье «Богословие и антропологические концепции XX века», отмечая, что «богословие по существу своему антропологично, потому что его адресатом является человек», в то же время говорили о его заинтересованности в том знании о человеке, которое накопила современная наука, а также философия. В отличие от специальных наук – биологии, психологии, лингвистики, социологии и др. – «философская антропология стремится выявить существенные характеристики человека, понять его природу или же его особое место в мироздании»⁵.

Как естествоиспытатель и врач Пирогов рассматривает человека прежде всего как природное существо, находящееся в ряду других живых организмов. Само понятие «человек» он считает «обыкновенным обобщением», в котором «мы понимаем не более как свойство, несомненно характеризующее человеческие особи»⁶. Пирогов сопоставляет человека с любыми другими существами, указывает на моменты общности и различия. К таким общим моментам он относит «ощущения нашего бытия» в нашем уме и «чувство бытия» у животных. Первым толчком его появления служит, говорит ученый, действие внешнего мира на чувства, но «самая суть и ощущения бытия... скрывается глубоко в существе самого жизненного начала»⁷. И это «самобытное, бесформенное начало жизни» творит в безграничных и первобытных пространстве и времени всевозможные формы вещества, направляя все другие силы к борьбе за существование. Мощное жизненное начало Пирогов объясняет с позиций биоцентрического понимания природы, смысловым ядром которого является понятие жизни.

Как видим, Пирогов не отрицает связи человека с животным миром, «принимая весьма хладнокровно взгляд на происхождение мое, – как он отмечает, – от обезьяны», но при этом он не принимает «ни малейшего намека на отсутствие творческого плана и творческой целесообразности в мироздании»⁸. Признавая учение Дар-

⁵ Юдин, Б. Г. Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке. – М., 2007. – С. 105.

⁶ Пирогов, Н. И. Собр. соч.: в 8 т. – М., 1962. – Т. 8. – С. 93.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 166.

вина, Пирогов в то же время ставит вопрос о том, «что заставило атомы вещества складываться в оформленное существо, способное к самостоятельному бытию, к борьбе за существование, наследственности и производству новых себе подобных или несходных с собой существ»⁹. И, отвечая на него, говорит о том, что никогда не признает, чтобы первобытная клетка «не заключала в себе творческой мысли в ее конечном назначении и творческого (целесообразного) предопределения»¹⁰.

По его мнению, прогресс в науке, безусловно, «уточняет опыт», но не может ответить на вопрос, что же заправляет «органической фабрикой»¹¹. В связи с этим он прямо говорит, что верховный разум и духовная воля Творца, проявляемые целесообразно, – прочное, неизменное, абсолютное начало. Такой переход в анализе антропологических проблем, по существу, на позиции религиозного мыслителя связан, на наш взгляд, с общей гуманистической ориентацией Пирогова как врача, хирурга, придающего огромное значение надежде, вере, которые отличают человека как живое существо от других существ и помогают в практике лечения.

Если ощущение бытия роднит человека и животное, то различие между ними Пирогов усматривает в том, что оно связано с его самосознанием, являющимся основой для веры. Животное же, ощущая свое бытие, не осознает этого ощущения, сливаясь с окружающим миром. «Веру, – пишет Пирогов, – я считаю такой психической способностью человека, которая более всех других отличает его от животного»¹². Не противопоставляя веру научному знанию, он отмечает, что если верховный разум Творца заблагорассудил «произвести человеческий род от обезьяны», то, несомненно, вера в человеке развилась постепенно, из грубых чувственных представлений, взятых им из окружающей природы. При этом Пирогов допускал возможность гипотезы о происхождении первобытного человеческого типа, теперь уже выродившегося, который принес с собой «все задатки высших способностей души, в том числе и веры»¹³. Проблему веры Пирогов рассматривает, переходя и к фило-

⁹ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 167.

¹⁰ Там же. – С. 102.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 171–172.

¹³ Там же.

софской антропологии, о чем речь пойдет ниже, но она, как видим, присутствует и в его анализе места человека среди других живых существ, что скорее относится к медицинской антропологии.

В своих оценках мировоззренческих выводов из данных естественных наук, особенно касающихся природы и сущности человека, Н. И. Пирогов близок к позиции своего современника – русского религиозного мыслителя Н. Н. Страхова, который, будучи высокообразованным в области естественных наук, в том числе и биологии, в то же время выступал против «просвещенства» (введенный им термин), то есть против идолопоклонства перед ними. Это идолопоклонство Страхов связывает с бессердечием, отсутствием истинного добра, нравственной слепотой. Первоисточник духовного кризиса он связывал с «религиозной пустотой», воцаряющейся в обществе.

Близкую к этому оценку ситуации в современной ему науке дает и Пирогов. «Отвлеченное творчество, творческие план и мысль, предначертанная целесообразность типов в мироздании – все это ушло на задний план»¹⁴, а то, что достигается искусством культиваторов пород и видов, то в природе пытаются объяснить случайным подбором особей, случайным стечением разных физических условий. Гениального хирурга как раз и не устраивает этот уход «на задний план» отвлеченного творческого начала в объяснении феномена жизни, человека, сознания.

Значительное место в работах Пирогова отведено проблемам телесности человека, к которой он подходит не только как врач, хирург, но и как организатор здравоохранения в стране. Медицину он рассматривает как такую прикладную науку, которая имеет «дело прямо со всеми атрибутами человеческой природы (как своего собственного, так и другого чужого “Я”)), поэтому для нее, кроме научных сведений и опытности, необходимы «еще добросовестность, приобретаемая только трудным искусством самосознания, самообладания и знания человеческой природы». Все это определяется громадной ответственностью перед обществом и перед самим собой, которую принимает на себя тот, кто получает, подчеркивает Пирогов, вместе «с дипломом врача некоторое право на жизнь

¹⁴ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 167.

и смерть другого»¹⁵. Врач обязан рассматривать человека как сложную многоуровневую систему, которая реагирует не только на внешние воздействия и которую нельзя уподоблять машине. «Кондильяк утверждал, – пишет Пирогов, – что человек без внешних чувств – статуя. Это неправда... Сознание в себе памяти, мысли, воображения, без сомнения, возбуждается и поддерживается внешними и органическими чувствами; но нет причины, мне кажется, отвергать возможность этого сознания и при отсутствии внешних и органических чувств»¹⁶. Также отвергает Пирогов и попытки рассматривать организм в качестве машины. «Напрасно говорят, – отмечает он, – что организм наш есть машина; наоборот, каждая придуманная нами машина есть не что другое, как сколок с существующих уже в природе и в нашем организме приборов и снарядов»¹⁷, следовательно, речь идет о несравненно более высокой форме организации материи, а именно о биологической. Но и при этом необходимо иметь в виду, что человек – не просто биологическое существо. Поэтому рассмотрение телесности даже на уровне медицинской антропологии требует от врача более масштабного взгляда на человека, учитывающего особенности данного индивида, его личностные характеристики. В связи с этим Пирогов вводит понятие «индивидуализирование», которое обозначает «новую, еще не початую отрасль знания»¹⁸. Она, по мнению хирурга, может быть развита тогда, когда изучение «человеческих особей» настолько продвинется вперед, что каждую из них можно будет отнести к той или иной категории, а «свойства каждой категории противостоять внешним и органическим (внутренним) влияниям будут известны», – тогда и статистика в здравоохранении с ее цифровыми данными получит иное значение, при котором качественные характеристики станут определяющими.

Медицинская антропология конкретизирует общеполитический вопрос о том, что такое человек, придавая ему более частный характер: что есть человек в медицине? Здоровый? Больной? Каковы особенности его поведения, жизни? «Индивидуализирование» же,

¹⁵ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 318.

¹⁶ Там же. – С. 107.

¹⁷ Там же. – С. 86.

¹⁸ Там же. – С. 320.

по Пирогову, как принципиально новый подход к человеку раздвигает рамки медицинской антропологии, предполагая более высокий уровень рассмотрения человека, то есть предполагает переход к философской антропологии. А это означает, что понимание телесности врачом сопряжено и с социальным аспектом; индивидуализирование требует углубленного понимания сознания человека, его духовности, в том числе и веры; становится необходимым анализ индивидуального бытия человека с точки зрения среды его жизни, воспитания и т. д. Примечательно, что этот переход от медицинской антропологии к обобщенной, философской Пирогов осуществляет органично, хотя целостной антропологической концепции он не разрабатывает.

В работах ученого можно выделить ряд «тем» такого перехода.

I. Как было отмечено, проблема телесности занимает значительное место в работах хирурга. Однако он затрагивает ее не только как теоретическую проблему медицины, но наполняет ее социальным смыслом, связывая с «общественным милосердием», которое «принадлежит к убеждениям новейшего времени, еще совсем не укоренившимся»¹⁹. И что еще более ценно – он придает этой проблеме практическое значение, а именно:

- как, сообразуясь с телесностью человека, решать вопросы организации его лечения;
- какие типы госпитальных сооружений наиболее оптимальны для массового лечения людей;
- какое значение имеет гигиена в жизни людей и в их лечении;
- как должна быть организована профилактика заболеваний.

Именно глубокое понимание и знание организма человека, его тела лежали в основе практической работы нашего гениального соотечественника, в том числе и в организации здравоохранения. Пирогов выступает против «скупивания больных в закрытых пространствах», к которым относит современные ему школы и больницы. «Как скоро, – пишет он, – целую массу человеческих организмов и личностей запирают в закрытые заведения – с целью ли научить, исправить или вылечить, – худая сторона органической и нравственной природы человека не замедлит проявить себя прежде хорошей»²⁰. В связи с этим он предлагал план совершенствования

¹⁹ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 11.

²⁰ Там же. – С. 12.

системы постройки госпиталей, считал необходимым увеличить расходы на административно-гигиенические меры для предотвращения болезней в массах, «скупченных» в столицах и больших городах. Истинный прогресс медицины Пирогов видит в гигиене, в медицине предохранительной²¹. Под широко проводимыми гигиеническими мероприятиями он имел в виду и улучшение быта рабочего люда, выведение его из подвалов, землянок и кое-как сколоченных сараев.

II. Если проблемы телесности человека, его связи с животным миром Пирогов анализирует сначала как относящиеся к медицинской антропологии, то проблемы «пространства и времени человеческого быта и развития», «целостности человека и его противоречивости», «веры и человека», «человека и вселенной» трактуются им преимущественно в сфере философской антропологии, и из этой трактовки хирург Пирогов извлекает практически важные смыслы для лечебной деятельности.

Проблему пространства и времени, человеческого бытия и развития Пирогов рассматривает на примере своей жизни, показывая свой жизненный путь как цепь событий и как жизненный опыт переживания и осмысливания личностного бытия, как лично организованное, созданное бытие. В изложении Пирогова (а ему посвящены многие страницы «Дневника старого врача») красота и радость повседневной жизни, ее осмысленность поднимаются на уровень мировоззренческой проблемы, отношение к которой выдающийся хирург выражает в духе оптимизма, жизнеутверждения, радости бытия.

Неизгладимость и яркость впечатлений бытия, которые Пирогов персонифицирует, он соотносит с памятью, вниманием и их ролью в духовной жизни и структуре личности. Память, как показывает ученый, отражает время как пространство человеческого развития, а оно в свою очередь представляется как самопознание, самоопределение во времени и самоосуществление.

В рассуждениях Пирогова о памяти, ее видах затронута проблема противоречивости человека, его неоднородности, которая связана с многомерностью, многокачественностью человека, а потому и с неизбежным самоанализом, «самоедством», по его словам.

²¹ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 5. – С. 20.

Человеческое бытие предстает как одновременное сосуществование, взаимодействие разных качеств человека.

В «Дневнике старого врача» достаточно четко обозначена проблема «двойника» как выражение противоречий в телесном и духовном пространстве человека. «Странно и непонятно, – пишет Пирогов, – свойство делиться нашего Я»²². Он усматривает его в единстве сознания и бессознательного или, как он подчеркивает, «вполне сознательного грамматического Я емь» и «еще задолго ему предшествующего бессознательного мышления»; да и это «вполне сознательное мышление имеет свою бессознательную логику»²³. Пирогов отчетливо обозначает проблему бессознательного как объект анализа, исследования. Он подчеркивает, что для точного решения вопроса о сознательности и бессознательности наших ощущений, мыслей и суждений необходимо умение превращать свое субъективное «Я» в объект постоянного и непрерывного наблюдения этого же самого субъекта им же самим. Имманентная сложность, дисгармоничность разных сторон человека, как показывает Пирогов, сообщает напряженность самому его существованию.

Однако эту амбивалентность человека Пирогов не считает таинственной и роковой, так как мир, в котором живут люди, противоречив и диалектичен по своему существу. «Понятие о беспредельном пространстве, – пишет ученый, – имеет свое отрицание в измеряемых и оформленных предметах, понятие о бесконечности времени отрицается часами и минутами; для жизни служит отрицанием смерть; даже для уяснения одного из свойств божеской натуры – добра – сделался необходимым дьявол»²⁴.

В связи с этим размышления Пирогова о противоречивости человека деятельны и конструктивны, потому что направлены на обретение человеком гармонии в нем самом, в его жизни, в его отношении к другим людям, окружающему миру. Не должны ли мы все стремиться к приведению нашей жизни в гармоническое целое, то есть к равномерному развитию разных сторон нашей умственной и духовной жизни? – задает вопрос Пирогов. Отвечая на него, он подчеркивает, что «такая высокая цель – не утопия. Напротив, утопия то, когда мы полагаем облагодетельствовать человеческое об-

²² Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 124.

²³ Там же. – С. 82.

²⁴ Там же. – С. 99.

щество, ведя его по одному пути знания к неведомой и недостижимой цели»²⁵.

Большую роль в обретении этой гармонии Пирогов отводит вере. Для человека важно не только познание, понимание окружающего мира, в чем ему помогает наука, но и ответ на вопрос: как жить в этом мире? Как быть в нем? Как гармонизировать с ним свои отношения?

Пирогов не считал «двойственную бухгалтерию» (признание и науки, и веры) невозможной и абсурдной. Более того, он подчеркивал, что личность, имеющая таковую, «может быть в одно и то же время и человеком науки, и человеком веры, – и в вере, и в науке вполне искренним»²⁶. Именно вера может помочь человеку ответить на эти вопросы, являясь существенной доминантой в организации духовного мира человека и последней, окончательной и главной, как подчеркивает Пирогов, ставкой человека: действительно, с чем он уходит в вечность и как воспринимает эту неизбежность?

Особенность рассуждений Пирогова о вере не только в их метафизическом смысле²⁷ и значении, но и в том, что он переводит их в практическую плоскость, обозначая тему «врач и вера», о чем и было упомянуто выше. Размышления Пирогова о благодати молитвы не могут быть объяснены только за счет признания его исключительно религиозным мыслителем, особенно когда он называет ее «целебным свойством». «Не безумно ли, не бесчеловечно ли, – пишет он, – отнимать у себя и у других ведомо целебное средство потому только, что оно не укладывается в рамки доктрины, еще далеко не раскрывает правды?»²⁸ Не отвергая точности и неоспоримости учения (в том числе и медицины), основанного на опыте, анализе ума, Пирогов подчеркивает в то же время, что мы не должны, посвящая себя этому учению, оставлять нетронутыми и неразвитыми другие потребности духа: они, попранные и пренебреженные, рано или поздно заявили бы о восстановлении своих прав. Следовательно, речь идет опять же о многогранности человеческой нату-

²⁵ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 229–230.

²⁶ Там же. – С. 173.

²⁷ С. А. Нижников (Метафизика веры в русской философии. – М., 2001) отмечает плеяду отечественных мыслителей, начиная с Г. Сковороды, славянофилов, Ф. М. Достоевского, Вл. Соловьева, причастных к построению метафизики веры. Вряд ли можно ошибиться, сказав, что Н. И. Пирогов находится в этом ряду.

²⁸ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 189.

ры, которая не может базироваться только на опыте или только на вере и быть объясненной с их помощью. В своих философско-антропологических воззрениях Пирогов предстает мыслителем более сложным, многосторонним, чем только как ученый или только как религиозный философ.

Философско-антропологические взгляды Пирогова включают сложную проблему «человек и вселенная», различные грани которой представлены в «Дневнике старого врача». Исходным пунктом рассмотрения этой проблемы выступает идея мирового мышления, развиваемая учеными. «Я, – пишет он, – все толкую в моем мировоззрении о мировой мысли. Да где же мировой мозг? Мысль без мозга и без слов! Разве это не абсурд в устах врача?» Развивая свою гипотезу о мировой мысли, Пирогов обращает внимание на ряд моментов.

1. Он считает, что в веществе действует жизненная сила, которая проявляется в мельчайших эфирных элементах вещества. Она приспособливает все механические и химические процессы к выполнению определенных функций, поэтому жизнь – это осмысленная, безгранично действующая сила, которая управляет всеми свойствами вещества. Она непрерывно стремится к достижению известной цели, а именно – осуществлению и поддержке бытия. Проявление жизненной силы в веществе определяет всеобщую одушевленность природы – это пантеистическое воззрение, согласно которому мировая мысль главенствует над материей, не являясь ее специфической функцией.

2. Пирогов обращает внимание на то, что представление об общей мировой жизни не может быть у человека конкретным или чисто фактическим, но эта «жизнь существует, и мы существуем, мыслим и действуем в ее непостижимом для нас по своей громадности круговороте»²⁹. Она располагает для своих проявлений громадным веществом, и наши исследования частных ее проявлений делают наше представление о мировой жизни отрывочными, односторонними и даже ложными. Но даже в этих случаях мы, всегда и везде видящие и ощущающие границы пространства, начинаем помышлять о безграничном; не видя и не ощущая неизмеримого и безграничного, признаем фактически его существование. При этом

²⁹ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 88.

одно неоспоримо для беспристрастного наблюдателя – это «целесообразность, причинность, план и мысль во всяком проявлении мировой жизни»³⁰. Оценивая эти идеи мыслителя, В. В. Зеньковский отмечает: «Это учение о мировой жизни по-новому осветило для Пирогова все темы познания, – и он приходит к учению о реальности “мирового мышления”»³¹.

3. Пирогов соотносит «мозговой ум» человека с мировым мышлением, подчеркивая, что высшая мировая мысль избрала своим органом вселенную и, проникая и группируя атомы в известную форму, сделала мозг человека органом мышления. Как бы ни был настроен ум человека (эмпиризмом или идеализмом), говорил Пирогов, он не может не заметить присутствия мысли вне себя, как не может не убедиться в присутствии вещества в нашем организме и вне его.

Мысль человека является действительно только индивидуальной, и именно потому, по Пирогову, она – мозговая, органическая. А другая мысль, проявляющаяся в жизненном начале всей вселенной, именно потому, что она мировая, не может быть органической. Ей, этой неорганической и неограниченной мысли, присущи высшие цели творчества³².

Эти положения В. В. Зеньковский характеризует как «новую метафизику, построенную Пироговым», в которой учение о мировом мышлении становится исходным пунктом мировоззрения ученого, а над мировым мышлением он признает Абсолют, верховную волю Творца (Бога).

По сути антропология Пирогова, введенное им понятие «индивидуализирование», является разновидностью философской психологии, которая в XIX в. была составной частью общей для философии и психологии «науки о духе».

Между тем Л. В. Шапошникова в противоположность этому пытается представить Н. И. Пирогова в качестве ученого-мистика, чьи мысли о человеке сводятся к признанию «загробной жизни» как области подлинного существования человека, где царствует некая «тонкая материя», которую якобы «интуитивно почувствовал» Пирогов. Русский хирург, по словам Шапошниковой, «сумел

³⁰ Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 88.

³¹ Зеньковский, В. В. История русской философии. – Л., 1991. – Т. 1. – С. 188.

³² Пирогов, Н. И. Указ. соч. – Т. 8. – С. 97.

интуитивно почувствовать эту разницу (между «плотной» и «тонкой» материей. – *О. Д.*) и понять главное – в мире плотном нет возможности установить непреходящую Истину»³³. Однако никакого учения о «тонком мире, где эманации плотной материи, обычно затрудняющие познание, отсутствуют»³⁴, у Пирогова не обнаружено.

В заключение следует отметить:

1. Антропологические идеи Пирогова интересны и глубоки, хотя и не представляют собой цельной системы. К вопросам философской антропологии он подходит с позиции медицинской антропологии, обогащая и соединяя естественно-научные наблюдения метафизическими выводами.

2. Естественно-научная медицинская антропология определяет место человека в царстве живых существ, изучает его телесную организацию посредством анатомии, физиологии, и для хирурга Пирогова близость к ней естественна и правомерна.

3. Вместе с тем в центре мировоззренческих размышлений Пирогова всегда стоит человек как личность, поэтому его антропологические идеи выходят за рамки только их естественно-научного выражения, поднимаясь на уровень философской антропологии, приобретая мировоззренческий характер и смысл в решении целого ряда проблем – «пространство и время человеческого бытия и развития»; «целостность человека и его противоречивость»; «вера и человек»; «человек и вселенная».

³³ Шапошникова, Л. В. Великое путешествие. – М., 2005. – Кн. 3. – С. 17.

³⁴ Там же.